

с разумом, или не без разума, сообразно с добродетелью в совершенной жизни...»⁸. Итак, счастье, в конечном счете, состоит в обладании добродетелью в полном соответствии с эвдемонистической концепцией Стагирита. В свою очередь, поскольку внутренними основаниями поступков являются интеллект и свободная воля, то классификация добродетелей адекватна этим двум составляющим.

Касаясь проблемы соотношения чувственно-эмоционального и рационально-волевого компонентов в структуре добродетели, Билевич опровергает утверждение стоицизма о необходимости избегать аффектов остроумной ссылкой на множество примеров из жизни и деятельности самих представителей этого направления. Стоики страстно спорят с перипатетиками, отстаивая принцип «бесстрастной» апатии, — и все же не перестают считаться мудрецами. Аффекты могут вести не только к пороку, но и к добродетели: все зависит от разумного выбора и правильного волевого усилия. Добродетель, как и порок, не создана природой, но избирается человеческим суждением; страсти же даны от рождения и должны контролироваться и управляться рассудком.

По отношению к сущности добродетель занимает середину, пороки же уклоняются в крайнее положение. Так, в частности, щедрость располагается между жадностью и расточительностью. В этом утверждении также с очевидностью ощущается влияние Аристотеля, однако белорусский философ пытается развить мысль античного автора, разрабатывая ряд прикладных рекомендаций. Пороков вдвое больше, чем добродетелей, однако, будучи отклонением от меры, они плохо согласуются между собой. Нельзя быть одновременно скардным и расточительным, можно только сочетать какой-либо из этих пороков на том или ином новом уровне (к примеру, — с трусостью, безрассудством, гневом и т. п.). Поэтому, если под руководством интеллекта дополнить расточительность разумно иницируемой жадностью, то в таком случае две крайности взаимно поглотятся, в результате чего будет достигнута «золотая середина» — благородная щедрость, т. е. добродетель. Итак, следует рационально противопоставлять пороки одного порядка, чтобы легче было приблизиться к умеренности, овладеть оптимальным сочетанием качеств.

Из сказанного очевидно, насколько сильно белорусская этическая пропедевтика XVII в., вся философия морали как академическая дисциплина проникнуты духом аристотелизма, хотя и полностью сохраняют при этом толерантность суждений, научную беспристрастность и социально-политическую индифферентность. В настоящее время, когда предпринимаются попытки возродить национальное самосознание и провести деидеологизацию общественных наук, немаловажно рассматривать их генезис и специфику объективно, избегая пристрастной модернизации.

¹ См.: Чернышева Л. А. // Исторические традиции философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1983. С. 206 и далее; Падокшын С. А. // Францыск Скарына і яго час: Энцыклапед. даведнік. Мн., 1988.

² См.: Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 53 и далее.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Памятники философской мысли Белоруссии XVII — первой половины XVIII века. Мн., 1991. С. 94.

⁶ Там же. С. 97.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 156.

А. И. БОБКО

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

В переломные эпохи, когда речь идет об интенсивном поиске наиболее эффективных путей общественного развития, особое значение приобретает вопрос о стратегии этого поиска. Философия всегда активно участвовала в ее разработке, неосуществимой без привлечения колоссального мировоззренческого и методологического потенциала философского знания. В осо-

бой мере это относится к диалектической идейной традиции и, прежде всего, к диалектике Гегеля и ее сердцевине — концепции противоречия. Гегелевская методология особенно значима, когда на повестке дня стоят задачи синтетического характера. У нас сегодня много говорится о необходимости синтеза всего лучшего, что было накоплено человечеством в его многовековой истории. Рождающаяся эпоха претендует на то, чтобы быть синтетичной, созидательной эпохой. Идеи Гегеля и, главным образом, принцип синтеза противоположных начал удивительно созвучны ей.

Как и любое неординарное, выдающееся явление духовной жизни, гегелевская философия очень часто оказывалась в центре горячих научных споров, всегда находила восторженных почитателей и непримиримых противников. Счастливая, богатая событиями судьба была уготована одному из стержневых ее моментов — концепции противоречия. И сегодня отнюдь не все в ней имеет однозначную интерпретацию и оценку, что указывает на необходимость ее дальнейшего тщательного изучения.

В предлагаемой статье рассматриваются два чрезвычайно важных аспекта этой концепции: во-первых, разработка мыслителем наиболее эффективных способов описания противоречивого процесса и, во-вторых, особенности гегелевской интерпретации принципа синтеза противоположных начал.

Через все творчество Гегеля проходит убежденность во всеобщности и фундаментальной значимости противоречия. («...Антиномия содержит... во всех предметах всякого рода, во всех представлениях, понятиях и идеях»¹.) Проявляется это и на самом общем уровне гегелевских рассуждений, когда речь идет о существеннейших вещах, детерминирующих структуру и характер его философии. Здесь реализуются все основные особенности теории противоречия и выявляются все основные проблемы, связанные с ней.

Исходная точка гегелевского философствования — вычленение двух фундаментальных типов реальности: идеально-духовного и природного. Мир раздвоен в себе, и эта существенная дихотомия, как показывает философ, являет собой основание его процессуальности, подвижности, жизненности. («Противоречие — вот что на деле движет миром...»².) Фундаментальная мировая противоположность разрешается в мировой процесс.

Осознав процессуальный характер отношения противоположных начал, Гегель встал перед проблемой его исследования и описания. В итоге он разработал два основных типа описания противоречия, и оба они используются при изложении диалектики идеально-духовного и природного. Во-первых, это знаменитая гегелевская триада. Рассмотрим, как она «работает» в высшей сфере философствования Гегеля. На ступени тезиса идеально-духовное выступает еще только как непосредственное, как содержащее опосредствование в форме возможности: речь идет об идее. На ступени антитезиса опосредствование реализуется, возникает природа как другое идеи. Но опосредствованное, как и непосредственное, носит односторонний характер и не соответствует существу идеально-духовного. На ступени синтеза эти односторонности снимаются, мы приходим к непосредственности, содержащей опосредствование в снятом виде и обогащенной им. Это значит, что идея представлена здесь в адекватной богатству своего содержания форме — в форме духа, снимающего в себе природу.

Триадическая схема анализа и описания противоречия широко распространена в творчестве Гегеля. Она образует основную форму движения его мышления и изложения его результатов. В этой связи философа не раз упрекали в схематизме, в насильственной подгонке действительности под надуманные теоретические конструкции. Такие упреки в принципе несправедливы, поскольку методология Гегеля направлена на ту сферу реальности, на тот срез отношения человека к миру, где правит противоположность, выливающаяся в развитие. Триадическая схема, по мнению Гегеля, в данном случае наиболее эффективна. Она позволяет мыслителю отыскать точку максимального соответствия онтологического и гносеологического аспектов проблемы. В логическом движении в форме триады отображается характер развития действительного противоречия; путь познания отношения противоположных начал, по существу, совпадает с процессом их движения. Следует отметить максимальную экономичность гегелевского мышления: рассмотрение каждой из противоположностей знаменует собой анализ одной из ступеней развития противоречия. А на уровне синтезисной категории достигается его целостный образ и его разрешение.

Второй способ описания противоречия, активно и эффективно применяемый Гегелем, — это представление его в форме умозаключения. Противоположности противопоставлены здесь и друг другу, и моменту их единства, который выступает как центр, как середина, сочетающая в себе крайности и в то же время отталкивающая их от себя. Этот тип изображения противоречия встречается довольно часто в «Лекциях по эстетике» Гегеля. Дело в том, что философ относит эстетическое к высшим сферам духа, в которых достигается опосредствование и примирение между идеей и природой. (Дух «порождает из самого себя произведения искусства как первое посредствующее звено, примиряющее явления только внешние, чувственные, переходящие с чистой мыслью, природу и конечную действительность с бесконечной свободой постигающего мышления»³.) На наиболее высоких уровнях познания и познаваемой реальности данная форма описания отношения противоположностей усложняется и выступает как система трех умозаключений.

Итак, у Гегеля имеются два фундаментальных типа исследования и описания противоречия. Закономерен вопрос о их соотношении. На основании анализа произведений философа можно сделать вывод о том, что второй способ трактуется им как более высокий. Он дает возможность отобразить идеальное единство понятия во взаимосвязи с его саморазличением в себе, понятие в единстве с его реальностью и носит, таким образом, итоговый характер. В особой степени это относится к изображению отношения противоположных начал в системе трех умозаключений, которая позволяет выявить все богатство опосредствований, взаимосвязей и взаимовлияний противоположностей. Здесь достигается целостный образ противоречия, соответствующий наиболее высокому уровню его саморазвития, при котором действительность выступает как «совершенное раздвоение на три части»⁴. Каждый из моментов «совершенного раздвоения» выступает в определенном отношении как его центр, как связующее звено, и потому необходима система умозаключений, чтобы адекватно изобразить его.

При всех различиях двух парадигм исследования противоречия у Гегеля обе они обладают общей существенной характеристикой: их результатом является конкретное, подвижное единство противоположных начал. Поскольку речь идет об одном из основополагающих аспектов творчества мыслителя, необходимо обратиться к его специальному анализу.

Академик А. Б. Мигдал высказал однажды следующую мысль: «Слова Гегеля о единстве и борьбе противоположностей, как и всякое слишком общее суждение, от частого употребления сделались тривиальными. Боровская идея дополнительности дает мысли Гегеля новое воплощение»⁵. Примечательна здесь констатация взаимосвязи между принципом дополнительности Бора и гегелевской диалектикой. Но никак нельзя согласиться с утверждением, что идея единства и борьбы противоположностей осталась в философии великого немецкого мыслителя на уровне «слишком общего суждения». Невозможность такого положения дел вытекает из существа самой концепции философского знания Гегеля, из самого принципа единства противоположных начал, не позволяющего отрывать общее от особенного. Идея единства и борьбы противоположностей развивается у Гегеля в диалектическую концепцию противоречия, изумительную по красоте и стройности, по глубине и богатству содержания, реализующуюся и конкретизирующуюся во всех областях исследований философа. В ней содержится, кстати, и положение о взаимодополняющем характере противоположностей. Так, в «Философии духа» Гегель указывает, что «теоретический и практический дух взаимно восполняют друг друга...»⁶. Отметим, что дополнительность в гегелевской концепции противоречия выявляется как одна из характеристик отношения противоположных начал. Она выступает наряду с единством и борьбой, взаимоположением и взаимоисключением, непосредственностью и опосредствованием и т. д.

Одним из центральных моментов данной концепции является идея синтетично-процессуального разрешения противоречия. Синтез противоположностей, концентрирующий в себе движение или, напротив, осуществляющийся в движении, — вот ключ к пониманию Гегеля. Можно привести множество примеров из произведений философа, иллюстрирующих этот высокий синтез. Но ограничимся одним, чрезвычайно ярким и красивым рассуждением, представленным в самом начале гегелевской «Науки логики». Раскрывая диалектику бытия и ничто, Гегель пишет, что «полный, истинный результат, выявившийся здесь, это — становление, которое не

есть лишь одностороннее или абстрактное единство бытия и ничто. Становление состоит в следующем движении: чистое бытие непосредственно и просто; оно поэтому в такой же мере есть чистое ничто; различие между ними есть, но в такой же мере снимает себя и не есть»⁷.

Итак, разрешение противоречия у Гегеля — это достижение полного, истинного синтеза противоположных моментов. Тщательный анализ творчества мыслителя позволяет вычлениить три наиболее существенные характеристики такого синтеза. Во-первых, единство противоположностей является здесь как единство в движении. Во-вторых, противоположащие начала превращаются в рамках данного движения в его идеальные моменты, и опосредствование выступает здесь как снятое. В-третьих, способ осуществления единства всегда конкретен, определен. Гегель остро критикует ту точку зрения, когда «остаются при совершенно абстрактном неопределенном единстве и отвлекаются от того, в чем единственно весь интерес и заключается, а именно от самого способа определенности этого единства»⁸.

Ясное представление о гегелевской концепции синтеза противоборствующих начал дает возможность ответить на некоторые спорные вопросы, связанные с творчеством мыслителя. В частности, на вопрос о трактовке Гегелем примирения противоположностей. Философ отнюдь не абсолютизировал момент примирения, как может показаться на первый, поверхностный взгляд. Уже А. И. Герцен заметил, что примиренность противоположных начал у Гегеля совсем не исключает их «борьбу». Напротив, они теснейшим образом взаимосвязаны. Герцен пишет: «...Вдохновенный мыслитель провозгласил основу философии примирение противоположностей; он не отталкивал враждующих: он в борьбе их постигнул процесс жизни и развития. Он в борьбе видел высшее тождество, снимающее борьбу»⁹. Действительно, термин «примирение» употребляется Гегелем не в смысле застывшего, мертвого умиротворения. Он выражает один из аспектов диалектического разрешения противоречия: преодоление антиномичности, резкой раздвоенности, кризиса в отношениях противоположностей.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1 С. 167.

² Там же. С. 280.

³ Гегель. Эстетика. М., 1968. Т. 1. С. 14.

⁴ Он же. Энциклопедия философских наук. Т. 2. С. 375.

⁵ Мигдал А. В. // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 15.

⁶ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. С. 259.

⁷ Он же. Наука логики. М., 1970. Т. 1 С. 151.

⁸ Он же. Энциклопедия философских наук. Т. 3. С. 403—404.

⁹ Герцен А. И. Соч.: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 111.

В. В. СОФРОНОВ

ИДЕИ КОСМИЗМА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Русский космизм представляет собой одну из тем, освоение которых еще впереди. Труднодоступны работы самих космистов, очень мало критической литературы. Нет ясности, кто составляет саму эту традицию. Наиболее часто упоминаются имена Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского. Данная статья посвящена рассмотрению идей Н. Ф. Федорова и К. Э. Циолковского.

Космизм, по нашему мнению, никак не может быть назван явлением случайным в русской культуре. Его можно назвать вершителем фундаментальных интенций этой традиции. Вкратце эти интенции заключаются в следующем. В силу уникальной ситуации русская культура может быть охарактеризована как синкретично-сакральная. Возможно, это связано с синхроническим модусом религиозного и культурного просвещения Руси, принимавшей культуру вместе с верой. Если в Европе новая христианская идея пришла на культурную («обработанную») почву, то русская культура сформировалась в обстановке неопитства. «Для тех, кто переходил к «духовной» вере, к незримому богу и святоотеческим учителям от культа Перуна и Волоса, вера принимала прежде всего облик грамотности, книжности, любо-мудрия — любви к Премудрости Софии»¹. Ситуация характе-